

«Vernunftlehre» и «Logik» в немецкой философии XVIII в. и задачи логики в эпоху Просвещения* Часть I

А. Н. Круглов

В течение XVIII в. в немецкой философии сосуществовало около десятка терминов для обозначения логики, из которых особо выделялись два: «Vernunftlehre» и «Logik». Разночтения, первоначально связанные с переходом от латинского философского языка к немецкому, привели и к содержательным различиям в понимании задач логики в эпоху немецкого Просвещения, наиболее отчетливо проявившимся в «Учении разума» Хр. Томазия и «Немецкой логике» Хр. Вольфа. Томазий антропологизирует учение разума, утверждая, что оно относится только к человеку как обладающему разумом, и объясняет саму потребность в логике результатом грехопадения, после которого необходимо возвращение к здоровому состоянию рассудка. Томазий отказывается от схоластической мнемоники и силлогистики и концентрируется на практических задачах логики в повседневной жизни. Вольф строит собственную логику на математическом методе, исходит в теоретической части из трехчленной структуры «понятие – суждение – умозаключение» и является сторонником универсального применения силлогистики, в том числе и в искусстве открытия. Различаясь во взглядах на силлогистику, и Вольф, и Томазий утверждают необходимость в логике средств не только для обоснования истины, но и для открытия новых истин. Как Вольф, так и Томазий сознательно уходят от дискуссий по поводу второй составляющей термина «учения разума», а именно, является ли логика учением, наукой, искусством, инструментом, предпочитая вместо этого разрабатывать практическую часть логики, одним из высших достижений которой является соответствующий раздел в латинской логике Вольфа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Хр. Томазий, Хр. Вольф, учение разума, теоретическая логика, практическая логика, искусство открытия, силлогистика, немецкое Просвещение.

КРУГЛОВ Алексей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета РГГУ.

akrouglov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12 марта 2018 г.

Цитирование: *Круглов А.Н.* «Vernunftlehre» и «Logik» в немецкой философии XVIII в. И задачи логики в эпоху Просвещения. Часть I // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 161–174.

1. Возникновение противопоставления «учения разума» и «логики»

В многотомном лексиконе И.Г. Цедлера – наиболее полном энциклопедическом немецком издании XVIII в., заметно превосходящем в философском отношении более позднюю французскую «Энциклопедию», – статья о логике уже в заголовке провозглашала синонимию трех терминов: «Logik», «Vernunftlehre» и «Vernunftkunst» [Zedler 1738, 260]. Это трио было явным образом заимствовано из «Разумных мыслей о силах человеческого рас-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00889а, «Кантовские лекции по логике в свете современной теории аргументации и традиции критического мышления».

© Круглов А.Н., 2018 г.

судка и их правильном употреблении в познании истины» — так называемой «Немецкой логики» Хр. Вольфа, положившей начало его впечатляющей серии немецкоязычных философских учебников. Однако в первом издании этого труда 1712–1713 гг. (§ 10) [Wolff 1713, 4], равно как и во втором издании 1719 г. (§ 10) [Wolff 1719, 5], соответствующая фраза у Вольфа еще отсутствовала. Лишь начиная с третьего издания 1722 г. Вольф стал испытывать некую необходимость недвусмысленно подчеркнуть данную синонимию: раздел философии (*Welt-Weisheit*), показывающий изучение «сил человеческого рассудка и их правильное употребление в познании истины», «называется *логика (Logick)*, или *искусство разума (Vernunft-Kunst)*, или также *учение разума (Vernunft-Lehre)*» (§ 10) [Wolff 1722, 6]. В единственном русском переводе середины XVIII в. тройка синонимов превратилась, однако, в двойку: «логика, или учение разума» [Вольф 1765, 7].

Уже эти начальные пассажи из энциклопедической статьи и из «Немецкой логики» Вольфа демонстрируют ряд переводческих сложностей, удовлетворительно не решенных и по сей день. Сосуществование в немецком языке двух терминов — «Philosophie» и «Weltweisheit» («мировая/мирская/светская мудрость»)¹ — решается в данном случае простым способом: переводом обоих терминов на русский язык словом «философия». Насколько это удачный вариант и не теряется ли при этом что-то очень важное — об этом можно подумать на примере обратного унифицированного перевода уже с русского языка двух терминов: «любомудрие» и «философия». Но если в случае с тонкими смысловыми оттенками различных синонимов «философии» в немецком языке все же довольно редко случаются серьезные коллизии при переводе на русский язык, то ситуация с немецкими синонимами «логики» выглядит просто удручающей. Трудности возникают уже с переводом упомянутой тройцы. Однако в лексиконе Цедлера [Zedler 1738, 260–261] к ней добавляются еще и латинские варианты «*philosophia rationalis*» (Вольф), «*medicina mentis*» (Э. В. фон Чирнхауз, И. Ланге), «*ars cogitandi*» (Г. Г. Титц [Titius 1702]), «*prudentia cogitandi*» (Хр. Томазий), «*sensus veri et falsi*» (А. Рюдигер [Rüediger 1722]). В этом лексиконе пропущен еще один синоним Томазия — «*philosophia aulica*», а из более поздних источников XVIII в. сюда можно добавить еще «*philosophia instrumentalis*» (Г.С. Реймарий, § 16 [Reimarus 1756, 16], Г.Ф. Майер, § 1 [Meier 1752, 1]), «*Denkungswissenschaft*» (И.Хр. Эшенбах [Eschenbach 1756]) и «*Denklehre*» (В.Т. Круг [Krug 1806])². Наряду с этим, следует упомянуть еще и целый ряд пышных образов — например, «парус интеллекта»³ (С. Гроссер [Grosser 1710]), а также смысловых визуальных изображений того или иного образа логики на фронтисписе соответствующих изданий⁴. Яркий пример не просто перечисления различных вариантов, а их одновременного употребления в одной работе представляет собой письмо наиболее значительного логика того времени Г.В. Лейбница к Г. Вагнеру — одному из первых критиков учения разума Томазия [Wagner 1691]. В этом небольшом тексте у Лейбница соседствуют латинский термин «*Logica*» и немецкие термины «*Denkkunst*», «*Vernunft Kunst*», «*Vernunftlehre*». Более того, Лейбниц применяет даже немецкий термин «*Logick*», что для того времени оказывается подлинной экзотикой [Leibniz 1890, 514–527].

Однако проблема носит не какой-то специфический лингвистический характер. Несмотря на декларированную Вольфом синонимию, различные термины все же были связаны с различными философскими традициями и с разным пониманием предмета и задач логики. И даже после того, как к концу XVIII в. стал явно доминировать один вариант, преобладающий и поныне — «*Logik*», — это не осталось без последствий для понимания предмета и задач логики, частично поэтизованного из других философских и терминологических представлений об этой дисциплине.

Почему же Вольф посчитал необходимым декларировать синонимию логики, искусства разума и учения разума в самом начале 1720-х гг.? Отчасти ответ на этот вопрос может дать энциклопедический источник, более ранний, нежели лексикон Цедлера: «Философский лексикон» И.Г. Вальха, оппонента Вольфа. В этом лексиконе присутствует как статья под названием «*Logic*», так и под названием «*Vernunft-Lehre*». Вальх подчеркивает, что греческое слово «*λόγος*» может означать как разум, так и речь, а поэтому логика может пониматься как наука о словах или как наука о мыслях. Однако заканчивалась статья примечательным утверждением: «...что, собственно говоря, означает логика, и в чем состоит ее сущность, об этом следует искать ответ в статье об *учении разума*, которое является равнозначным словом со словом

“логика”, всегда означающем некую искусственную науку, так что естественная логика, или всего лишь естественная способность познавать истину, в собственном смысле логикой не является» [Walch 1726, 1657]. В статье же про «учение разума» Вальх в 1726 г. подчеркивает, что из всех разнообразных наименований для соответствующей науки именно «слово “учение разума” мы оставим как самое обычное и привычное» [Walch 1726, 2668]. Он дает такую дефиницию этой дисциплине: «Учение разума – это такое учение, которое имеет дело с истиной вообще, и показывает, как таковую должно познавать посредством размышления, и делать свой рассудок искусным для подобного познания» [Walch 1726, 2669]. Но в этой связи Вальх перечисляет неприятные вопросы, от которых он, впрочем, отмахивается как от схоластических и бесполезных: является ли логика именно учением, или наукой (практической или теоретической), или искусством (умением или способностью), или инструментальной привычкой (только инструмент или и часть философии)^{5?} Простым утверждением о синонимии логики, учения разума и искусства разума от этих вопросов желал устраниваться, вероятно, и Вольф.

Но как бы настойчиво энциклопедические издания и влиятельные мыслители того времени ни желали подчеркнуть явную синонимию трех терминов, в ней возникают определенные сомнения. Для их объяснения следует обратиться, однако, к тому мыслителю, к которому и восходит сама традиция учения разума, – к Томазию⁶ и его немецким логикам, вышедшим за два десятка лет до появления «Немецкой логики» Вольфа – хотя, разумеется, и сочинения Томазия не были самыми ранними немецкоязычными сочинениями по логике [Britzelmayr 1947; Arndt 1978, 52].

II. Хр. Томазий и «учение разума»

Томазий не был изобретателем самого термина «учение разума». Произведения, в заглавии которых встречается это понятие, можно проследить как минимум до 1654 г. [Chemlinus 1654]. О причинах, побудивших использовать в немецком языке термин «Vernunftlehre» в качестве аналога латинского «Logica», нет никаких сведений ни в энциклопедических источниках того времени, ни у тех авторов, которые начали применять эту терминологию. Можно лишь отметить, что и «Vernunft», и «Lehre» являются возможными вариантами для перевода на немецкий древнегреческого слова «λόγος». Но еще раньше чем «Vernunftlehre» в качестве немецкого перевода логики появилось слово «Verstandlehre», «учение рассудка», и его можно встретить в некоторых учебных пособиях еще в 1621 г. [Аноним 1621] – правда, предназначенных не для университетов, а для школ, организованных педагогом-новатором и изобретателем «дидактики» В. Ратке, активно пропагандировавшим обучение на родном языке. Автором этого «Краткого понятия учения рассудка» явился, судя по всему, Я. Мартини, а переведено с латинского на немецкий оно было Л. Луциусом. Дефиниция логики выглядит здесь так: «Учение рассудка (VerstandLehr) является служебным навыком или привычкой души (Gemüts) отличать при помощи силлогистического вывода (Schlußrede) истинное от ложного» [Ibid., 3]⁷. Правда, в еще более ранней работе 1613 г., в которой идеи Ратке высказаны Хр. Хелвигом и И. Юнгом, в качестве немецкого перевода для «Logica» выступает все же «Vernunftkunst», или искусство разума [Аноним 1613, 6–7].

У самого Томазия «учение рассудка» также периодически встречается в немецкой логике. Один раздел в ней и вовсе носит заглавие «Об искусственных словах, которые культивируют использовать в учении рассудка и его применении» [Thomasius 1691⁶, 120]. Само же различие между рассудком и разумом, столь принципиальное в дальнейшем для критической философии И. Канта, у Томазия не столь отчетливо: он отмечает определенную синонимию рассудка и разума, подчеркивая при этом, однако, что разум порой объединяет рассудок и волю (§ 65) [Thomasius 1691⁶, 113]⁸. Известно было Томазию и об упомянутом выше сочинении 1621 г. Более того, немецкий язык этого учебника был подвергнут им уничижительной саркастической критике [Thomasius 1691⁶, 16–19]. Собственная же немецкая логика Томазия явилась развитием его раннего латинского произведения «Введение в придворную философию»

[Thomasius 1688^a]. Позднее он подчеркнул, что его «Vernunftlehre» есть синоним латинского термина из названия его предшествовавшего сочинения – «philosophia aulica», «придворной философии» [Thomasius 1691⁶, 72], получившей впоследствии на немецком языке наименование «Hoff-Philosophie» [Thomasius 1712], хотя чаще он отождествлял свое немецкое понятие все же с латинским термином «logica». Именно в этом трактате на фронтиспise Томазий изобразил свой путь самостоятельного мышления как срединный путь. Этот путь пролегает между старой аристотелевской метафизикой, которую олицетворяет группа старомодно одетых в черные мантии ученых с молодящейся дамой преклонных лет («нелепый вздор перипатетиков»), и мнимо-истинной картезианской философией, оказывающейся всего лишь отражением в зеркале («предрассудки» и «претенциозные мудрствования картезианцев» [Thomasius 1712, Vorrede An den Leser (unpaginiert); Thomasius 1702, Praefatio ad lectorem]). Сам же Томазий со шпагой, светски и галантно одетый – а именно в таком облике, то есть в яркой современной модной одежде и со шпагой в золотой перевязи, он и стал появляться при чтении лекций в университете Халле [Wohlmeinendes Gutachten 1701, 317; Dernburg 1865, 13] – вопреки уговорам двух советчиков пойти на сторону артистотеликов или картезианцев, выбирает срединный путь напрямик к истине. Тот факт, что «срединный путь» есть важная мысль как раз отвергаемого Аристотеля, его при этом не смущает.

Томазий сокрушается по поводу господствующего «педантизма» в философии и ее неспособности к «галантности», предлагая при этом приблизить философию к «придворным мужам», сторонящимся ее изучения в имеющемся виде. Но при всех предлагаемых им реформах философии Томазий считает необходимым сохранить логику, хотя и в существенно обновленном виде. Это требуемое обновление предстает для него следующей задачей: «...могу ли я сделать наглядными *очевидные* ошибки распространенных *логик*, и показать прямой и легкий путь разумно умозаключать, который при этом будет свободен от школьно-педантских терний и волчцов⁹ (ибо у меня нет необходимости в их употреблении, так как моя *логика* не снабжена никакими мнемоническими приемами), чтобы тогда, когда эта благородная *дисциплина* стала бы очищена от такой неуместной блажи, придворные люди, привыкшие к чистоте, не испытывали бы больше такого большого отвращения к изучению философии»? [Thomasius 1712, Vorrede An den Leser (unpaginiert)]; [Thomasius 1702, Praefatio ad lectorem]. Четвертая глава «Придворной философии» Томазия посвящена предмету логики и ее общим задачам. Само название дисциплины в латинском варианте звучит как «prudentia cogitandi & ratiocinandi», а в немецком переводе – как «Klugheit zu denken und vernunftmäßig zu urtheilen». Философ понимает здесь логику как благоразумие направлять наши мысли к последовательному обретению истины как природных, так и моральных предметов, сообщать истину другим, воспринимать соответствующие основания других, сравнивать их с собственными мыслями, и делать все это на основе умения, справедливости и пользы (§ 26) [Thomasius 1712, 118–119; Thomasius 1702, 95–96]. Вопрос о том, является ли логика только лишь инструментом философии или же частью философии, он оставляет праздным людям, хотя сам тут же и добавляет от себя, что не видит здесь никакого противоречия, ибо инструмент может сам являться частью (§ 29) [Thomasius 1712, 120; Thomasius 1702, 97]. Уже в этой работе явно слышна критика в адрес силлогистики, которой посвящена девятая глава – силлогистика не может являться искусством открытия истины (§ 13) [Thomasius 1712, 202; Thomasius 1702, 163]. Томазий упоминает только первые три фигуры силлогизмов, однако считает, что из них достаточно всего лишь первой (§ 6) [Thomasius 1712, 200; Thomasius 1702, 161]. Но и ее применять формально в печатных сочинениях не следует, ибо в противном случае мы имеем дело с педантизмом (§ 25) [Thomasius 1712, 207; Thomasius 1702, 167], а педант и является противоположностью придворного мужа.

Немецкоязычное «Учение разума» Томазия было опубликовано в двух частях в 1691 г. Первая, теоретическая часть, называлась в духе того времени весьма пространно: «Введение в учение разума, в котором благодаря легкой и всем разумным

людям, какого бы сословия или пола они не были, понятной манере показывается путь без силлогистики отличать друг от друга истинное, вероятное и ложное и находить новые истины» [Thomasius 1691⁶; Thomasius 1719⁶], и являлась в Германии, по выражению В. Шнайдерса, «первой логикой Просвещения» [Schneiders 1998, V]. Не уступала ей и вторая, практическая часть: «Применение учения разума или: краткие, отчетливые и хорошо обоснованные приемы, какими расчищают свою голову и делают себя искусными для исследования истины: как следует сообщить познанную истину другим; понимать и истолковывать других; судить о мнении других и ловко опровергать заблуждения; в котором указывается на повсеместно и общераспространенно имеющие хождение в наши дни заблуждения» [Thomasius 1691^a; Thomasius 1719^a]. Эти две части явным образом обозначают у Томазия две части его логики: теоретическую и практическую, составляя некое единство¹⁰. Уже из заглавия двух «Учений разума» Томазия следует, что он ставит перед логикой несколько нетривиальных задач, противопоставляя их при этом духу школьной философии: легкий способ, отказ от школьной формы в виде силлогистики, проверка истины, нахождение истины (теоретическая часть логики), и все это для конкретного практического применения в отношении истины, в ходе которого освобождаются от предрассудков и заблуждений (практическая часть) [Wundt 1945, 38].

Теоретическая часть состоит из тринадцати не совсем пропорциональных по размеру и значению разделов. Так, в первом разделе речь идет об «учености в целом», а во втором — об «учении разума в особенности». Четыре раздела посвящены характеристике истины и не-истины. Несколько разделов обсуждают различные «вещи» (неизвестные, вероятные и невероятные). Наконец, два последних раздела затрагивают источники заблуждений и способы нахождения новых истин. Философские идеи Томазий высказывает преимущественно в двух первых разделах. Если сформированный в виде трактата текст Аристотеля, получивший название «Метафизика», начинается с тезиса о том, что «все люди от природы стремятся к знанию» (980a) [Аристотель 1976, 65], то Томазий исходит из иного тезиса: сами усилия по приобретению знания или «учености» становятся необходимыми в результате грехопадения, до которого человек был «ученым» (gelehrt) и не нуждался ни в каких указаниях логического характера (§ 10) [Thomasius 1691⁶, 76]. Оставляя в стороне вопрос ортодоксальности такого толкования статуса учености человека до вкушения от древа познания¹¹, стоит заметить, что какие-либо упражнения для пребывающего в темноте рассудка, равно как и само различие между учеными и не-учеными, оказывается одним из следствий грехопадения (§ 4) [Thomasius 1691⁶, 76]. Таким образом, философия, логика, теология и иные науки помогают человеку вернуть это первоначальное состояние рассудка. Опираясь в логике человеку следует на естественный свет, который Томазий и отождествляет с рассудком. Для употребления этого света не нужны искусственные ученые языки, естественный свет доступен и старым, и малым, и мужчинам, и женщинам (§ 19) [Thomasius 1691⁶, 81]. Эту принципиальную позицию, что логика и ученость одинаково доступна как мужчинам, так и женщинам, Томазий последовательно отстаивает и в дальнейшем тексте (§ 41) [Thomasius 1691⁶, 87]. И хотя логика, или учение разума тяготеет к философии или мировой мудрости, цель которой состоит в приведении к добродетельной и счастливой жизни в этом мире (§ 22) [Thomasius 1691⁶, 82], все же учение разума наряду с историей оказываются двумя инструментами как для мировой мудрости, так и для теологии (§ 26) [Thomasius 1691⁶, 83].

Рассмотрение главного предмета трактата Томазий начинает со следующей дефиниции: «Учение разума является таким учением, которое указывает людям, как они должны правильно употреблять их разум, то есть их мысли вообще в познании истины в каких бы то ни было разделах учености, и тем самым служить другим людям» (§ 1) [Thomasius 1691⁶, 88–89]. При первом рассмотрении это определение могло бы выглядеть более или менее удовлетворительным даже и сегодня — по меньшей мере если оставить за скобками недвусмысленно выраженную задачу служения людям. Однако толкование Томазием некоторых понятий демонстрирует существенную разницу в понимании предмета этой дисциплины по сравнению не только с сегодняшним днем, но и с рядом его современников, а также философов XIX в.: «Учение разума касается только людей и никаких иных тварей, так как никакие иные твари

не обладают каким-либо разумом. Ибо разум есть не что иное как способность человеческой души (Seele)» (§ 2) [Thomasius 1691⁶, 89]. Уже в данном пункте утверждаемая Вольфом синони́мия логики и учения разума вызывает серьезные затруднения с точки зрения, выражаясь языком Р. Карнапа, различия интенционального и экстенционального контекстов. Никакой «логики исторического процесса», «логики научного исследования» К. Поппера или «объективной логики» из «Науки логики» Г.В.Ф. Гегеля представить себе невозможно, если заменить «логику» на «учение разума». Антропологическая трактовка учения разума в его познании истины сразу же делает для Томазия невозможным и определенные представления об истине, отстаиваемые, в частности, Э. Гуссерлем: «Что истинно, то абсолютно истинно “само по себе”»; истина тождественно едина, воспринимают ли ее в суждениях люди или чудовища, ангелы или боги. Об этой истине говорят логические законы, и мы все, поскольку мы не ослеплены релятивизмом, говорим об истине в смысле идеального единства в противовес реальному многообразию рас, индивидов и переживаний» (§ 36) [Гуссерль 1994, 259].

Антропологическое истолкование учения разума окрашивается у Томазия в теологические тона в вопросе о его основаниях и корнях: «Это учение основывается в разуме самого человека и, таким образом, вложено Богом самому человеческому роду от природы. По каковой причине же не требовалось бы никакого особенного учения, если бы состояние человека в этой жизни не было бы таково, что с самого детства естественный свет разума затемняется разнообразными причинами» (§ 3) [Thomasius 1691⁶, 89]. Таким образом, если в предшествующих рассуждениях об учености в целом превалировала оценка негативных следствий грехопадения, то в разделе о собственно учении разума Томазий больше акцентирует внимание на тех препятствиях для естественного света, которые возникают у каждого в детстве и в процессе взросления. Но приносит ли логика какую-либо пользу, или же здесь можно услышать отголоски дискуссий о бесполезности преподавания логики, согласно которым тех, кто и так мыслит логически, она более логичными не делает, тех же, кто логически не мыслит, она исправить не в состоянии? Томазий устремляет все свои усилия к тому, чтобы пробудить, стимулировать и очистить заложенный в самом человеке потенциал: «...учение разума не учит ничему сверхъестественному, а лишь указывает, как разум следует правильно употреблять по его природе, или, скорее, как следует освобождаться от затемнения естественного света» (§ 5) [Thomasius 1691⁶, 90]. По этой причине «...не следует удивляться, что у некоторых людей естественный свет столь силен, что он и сам, без присовокупленных указаний, способен развеять мрачные облака заблуждений» (§ 6) [Thomasius 1691⁶, 90]. Однако число таких людей весьма невелико, а потому логика, говоря статистически, полезна. Тем не менее, принципиально в ней необходимости все же нет, ибо человек и без нее может воспользоваться силой своего естественного света, или рассудка.

Учение разума выступает в качестве инструмента, который должен приносить пользу во всех частях учености. Оно должно давать такие основные правила познания истины, которые применимы повсюду. Но применение этих правил к тем или иным сферам учености оказывается уже не делом учения разума, а задачей конкретных дисциплин (§ 10) [Thomasius 1691⁶, 91]. Правда, подобная позиция Томазия вызовет в дальнейшем определенные трудности в практической части. Отличие учения разума от риторики и грамматики состоит, по Томазию, в том, что только первое в качестве цели и предназначения имеет истину (§ 11) [Thomasius 1691⁶, 91]. Важной чертой учения разума Томазия является утверждение, что оно непременно должно указать человеку конкретные средства поиска новых истин (§ 12) [Thomasius 1691⁶, 92].

Истину Томазий определяет как «...внутреннее одобрение человека, что нечто ведет себя так, как он думает» (§ 1) [Thomasius 1691⁶, 137], как «совпадение человеческих мыслей и свойств вещей вне этих мыслей» (§ 13) [Thomasius 1691⁶, 139]. Познание истины осуществляется как при помощи разума/рассудка, так и при помощи чувств. Решающую роль здесь играет так называемый «первый принцип»: «То, что совпадает с человеческим разумом, является истинным, а что противно человеческому разуму, то ложно» (§ 20) [Thomasius 1691⁶, 155]. И здесь Томазий подходит к одной из главных логических проблем в узком смысле слова, в том числе и согласно сегодняшнему пониманию: к учению

о доказательстве, которое в отличие от предшествовавшего «Введения в придворную философию» целиком отказывается от силлогистики, о чем провозглашено и в заглавии всего труда. В практической логике Томазий подчеркнул, что ориентировался в своей критике и отказе от силлогизмов в том числе на «Врачевание ума или общие предписания искусства открытия» Чирнхауза, хотя и исключил из своей позиции сомнительные утверждения из его трактата [Thomasius 1691^a, Widmung (unpaginiert)]. Согласно Томазию, доказательство для самого себя не требуется — оно требуется лишь для других, которые не понимают моей цепи истин и их связи (§§ 3–5) [Thomasius 1691⁶, 183]. При этом он выделяет доказательство в широком и в узком смысле. В первом случае «доказательство (probatio) есть не что иное как показ того, как некая истина соединена с первым принципом (*primo principio*)» (§ 9) [Thomasius 1691⁶, 184]. Но первый принцип дополняется двумя другими первоначалами в цепи истин: совпадение с чувственными данными и совпадение с идеями. В первом случае (звено В) мы имеем дело с указанием (*ostensio*), в то время как во втором (звено С) — с демонстрацией (*demonstratio*), или доказательством в узком смысле слова. В остенсивном указании показывается непосредственная связь с правилами, выводом из первого принципа, или же с данными чувственности (§ 23) [Thomasius 1691⁶, 187–188]. Демонстрация же является «...доказательством, что нечто соединено с идеями или *дефинициями вещей* или со звеном С» (§ 31) [Thomasius 1691⁶, 190].

В предпоследнем разделе «О средствах и способах нахождения новых истин» Томазий желает отмежеваться в своей логике в целом от немецкой школьной философии. Сами новые истины являются новыми выводами, выведенными из тех, что уже проистекли из первого принципа, и из которых, в свою очередь, вытекают другие выводы (§ 6) [Thomasius 1691⁶, 266]. Принципиально для Томазия, что никаких новых истин при помощи силлогизмов получить нельзя: «...силлогизм не есть средство открытия истины, а только лишь мода приводить в порядок или украшать найденные истины» (§ 21) [Thomasius 1691⁶, 270]. Основание такой моды на силлогизмы лежит в «тщеславной глупости людей» (§ 22) [Thomasius 1691⁶, 270–271]. Причина состоит в том, что если ты располагаешь заключением, то у тебя есть и средний термин; если же заключение отсутствует, то напрасен и поиск среднего термина (§ 28) [Thomasius 1691⁶, 272]. Задолго предвосхищая упрек Гегеля Канту в толковании кенигсбергским философом критики (§ 10) [Гегель 1974, 95], Томазий бросает в адрес адептов силлогистики в искусстве открытия: «Ибо как бы ты оценил такого парня, который бы поклялся, что он не желает зайти в воду, прежде чем он научится плавать?» (§ 18) [Thomasius 1691⁶, 269–270].

В чем же тогда состоит позитивная часть учения Томазия об открытии? Во-первых, он предлагает создать условия для того, чтобы первопринципы рассудка занимались продуктивной деятельностью сами: прочно утверди в своем рассудке первые принципы, дай им действовать, прояви терпение, и ты не будешь испытывать недостатка в новых истинах (§ 7) [Thomasius 1691⁶, 266]. Критикуя регламентированные разделы о методе в учебниках по логике, Томазий провозглашает единственное правило собственного метода: упорядочивай процесс поиска истины как тебе вздумается, только не проявляй при этом неловкости и не будь смехотворным (§ 32) [Thomasius 1691⁶, 273]. Но как только Томазий доходит до обещанных средств и способов, он пытается имитировать Цезаря: экспериментируй, определяй, разделяй (§ 40) [Thomasius 1691⁶, 276]. Иными словами, созданные на основе опыта дефиниции Томазий предлагает разлагать на части и комбинировать по-разному полученные части, «...ибо чем чаще ты продолжаешь с этими разделениями, тем больше ты получаешь новых истин» [Thomasius 1691⁶, 280].

Завершает теоретическую часть логики Томазия раздел о заблуждениях и их источниках. Из начальных рассуждений про ученость и грехопадение можно было бы предположить, что именно здесь и будет лежать корень всех ошибок и заблуждений. Однако на завершающих страницах Томазий концентрируется почти исключительно на разнообразных предрассудках — их он и указывает в качестве главного источника всех заблуждений [Thomasius 1691⁶, 304], тем самым затрагивая одну из главных тем немецкого Просвещения. Однако по сравнению с поздними классическими работами по этому вопросу таких немецких мыслителей, как Майер (см.: [Meier 1766; Хинске

2007, 157–170]), рассуждения Томазия довольно скудны и малосодержательны, охватывая спешку, нетерпение, страх перед авторитетом других, лень, эгоизм и пр. Главный же источник самих предрассудков Томазий усматривает в «...жалком состоянии рассудка человека в его юности, и в присущей ему легковёрности...» [Thomasius 1691^б, 305]. И если у Томазия заявления про грехопадение скорее так и остались пустыми декларациями в учении разума, то у ряда его современников, которые гораздо в большей степени были вовлечены в пиетизм, это было одной из ключевых тем – так, нечто подобное содержится в сочинении Ланге «Врачевание ума» [Lange 1718]. Если Томазий предлагает в рассуждениях про ученость восстановить некий изначально здоровый дух, то Ланге в качестве исходного пункта рассматривает болезнь ума как собственную вину человека, как следствие первородного греха, а поэтому восстанавливать по большому счету нечего. Наоборот, врачевание болезни только и создает некое здоровое состояние. Правда, и у Ланге во втором разделе трактата, посвященном болезням ума (*De mentis ægritudine*), предрассудки составляют важную часть.

Учение разума Томазий понимал как некую пропедевтику к общественной деятельности, предлагая будущим юристам начинать обучение именно со знакомства с логикой. Практическая польза должна быть показана в практической части учения разума. Здесь Томазий иногда перешагивает через собственную границу между общим характером правил практической логики и конкретными научными дисциплинами, ибо неоднократно подчеркивает (в силу биографических особенностей) пользу логики как раз для юристов. Правда, для того чтобы избежать здесь определенной двусмысленности, в поздние годы он публикует специальную работу «В высшей степени необходимые предосторожности, на которые должен обращать внимание студент-юрист, желающий подготовить себя к изучению правоповедения умным и ловким способом», в которой обширную главу посвящает «Предосторожностям при изучении логики (*Logicke*)» [Thomasius 1713, 191]. Примечателен вариант написания Томазием «логики», при котором само слово оказывается композицией из латинской и немецкой частей, что специально подчеркнуто выбранными шрифтами. По крайней мере, негативные комментарии для юристов благодаря этому труду оказались вне рамок общей логики в собственном смысле слова. Практическое учение разума Томазия имеет более последовательную структуру, нежели теоретическое, распадаясь на пять разделов: о самостоятельном познании истины, о преподавании другим, об обучении, о критике других и о спорах с другими.

И в названии трактата, и в самом тексте Томазий говорит о различных конкретных «приемах» (§ 2) [Thomasius 1691^а, 6], однако это, скорее, остается не очень хорошо реализованным пожеланием. Содержательная сторона его советов вряд ли напоминает конкретные «методы» или «приемы». Так, если опираться на иерархию самого Томазия, вся первая глава по большому счету сводится к следующим требованиям: оспаривай предрассудки и сомневайся, не доверяй человеческим авторитетам, в рассуждении внимательно уделяй внимание всем деталям, выбери из наук ту, что приведет тебя к истине, ищи подлинную мудрость в себе самом, познай себя. Во второй главе Томазий истолковывает обучение других как некую обязанность служения им собственными знаниями, «...ибо *право здорового разума* обязывает тебя оказывать услуги твоему ближнему, способствуя его благополучию и благосостоянию» (§ 1) [Thomasius 1691^а, 74]. Но конкретные рекомендации вновь производят обескураживающее впечатление: не информируй других, пока сам точно что-то не изучил, будь последовательным в твоих указаниях, используй с заблуждающимися дружеский и доверительный тон, не заставляй твоих учеников учить твои положения наизусть, диктуй им или мало, или совсем ничего, применяй легкий, приятный и полезный способ обучения, приспособлявай рассуждения к способности восприятия твоих слушателей и пробуждай у них рассуждением охоту к знанию и мудрости, пиши на лекциях из головы, а не из книг, опасайся пустословия... Правда, в этом списке есть одно правило, сильно напоминающее будущий знаменитый афоризм Л. Витгенштейна из «Логико-философского трактата» [Витгенштейн 1994, 25, 4.116]: «Как в случае сочинений, так и устных поучений, как в случае ученых, так и обучающихся возьми

себе в привычку относительно всех предметов, что ты пишешь и говоришь о них отчетливо» (§ 32) [Thomasius 1691^a, 89].

Ситуацию отчасти спасает третья глава, которую Томазий настоятельно рекомендует будущим юристам. И хотя она вновь начинается с указаний в духе двух предшествующих глав — не пропускай часы, не рассеивай внимание, отвлекайся от мыслей, которые могут клонить тебя в сон, задавай вопрос, если у тебя сомнения, следуй советам учителя, — затем автор впервые все же формулирует то, что можно без всяких натяжек назвать конкретными «приемами». Все они направлены на работу с письменным текстом и частично перекликаются с герменевтикой (истолкование темных мест в речи и письме, обхождение с неизвестными словами из других языков, правила работы с аббревиатурами и опечатками, роль перевода, значение аллегорий и пр.). В дальнейшем именно этот фрагмент практической логики станет одной из самых сильных ее сторон в Германии времен немецкого Просвещения, что видно в том числе и на примере Вольфа.

В этой главе Томазий затрагивает тему, которая будет иметь большое значение и для логики, и для философии немецкого Просвещения: многознание и мудрость. Пропагандируемый Томазием «легкий» способ обучения, попытка привлечь «придворных мужей» к обучению в университете, обучение логике до юриспруденции, включающей в себя некоторые элементы философии, скорее наталкивают на мысль о том, что он был сторонником облегченного варианта энциклопедического образования. В пользу этого предположения говорят также и его общие философские установки, в соответствии с которыми Томазий отстаивал эклектизм, направленный против сектантского духа школ и систем. С идеей энциклопедизма в то время были связаны два понятия: полигистории и полиматии. В этой связи ранний Томазий в выпускаемом им журнале «Веселые и серьезные ежемесячные разговоры» и впрямь лестно отзывался о полигистории и полиматии в рецензии на первую часть сочинения Д.Г. Морхофа «Полигистор» [Morhof 1688]: «...человек, конечно, способен много знать и не должен быть привязан в течение всей своей жизни к одной-единственной науке или дисциплине, считая, что в противном случае он останется всего лишь халтурщиком, так как все дисциплины обладают точным родством между собой» [Thomasius 1688⁶, 279–280]. В практической логике Томазий пытается уточнить свое толкование полигистора. Для понимания других и проверки их утверждений на истинность и ложность помогают знания общего характера из искусств и наук, «всеобщих правил человеческой мудрости (Klugheit)», а также владение конкретными дисциплинами, имеющими прямое отношение к предмету проверки и истолкования. Лишь тот, кто обладает всем этим, «...заслуживает *титула* подлинного *полигистора* или *критика*, который сегодня присваивает всякий *педант*, вся мудрость которого состоит лишь в том, как он с кислым усердием и трудом из древних *манускриптов* составляет книгу *различных лекций*...» (§ 63) [Thomasius 1691^a, 180]. И только поздний Томазий — вероятно, под влиянием начавшихся на эту тему дискуссий — начинает проявлять некоторую осторожность: «Остерегайся также считать мудрецом такого человека, который читает много книг, как сегодняшние *полигисторы*. [...] Или который пишет книги, ибо книгописание ни в малейшей степени не принадлежит к сущности мудреца» (§§ 9–10) [Thomasius 1713, 110].

Две завершающие главы практической логики Томазия снова содержат не столько конкретные приемы, сколько пожелания общего характера: не суди о суждениях других, если не можешь еще судить о своих собственных; не суди, если ты еще не слушал тех дисциплин, которые относятся к предмету суждения; «...не суди о книге, если ты ее не читал» (§ 3) [Thomasius 1691^a, 241]; не суди о книге, если у тебя нет способа интерпретации этой книги; не суди о книге, если ты читал ее с аффектами. В заключительной же главе Томазий советует вступать в диспут не ради тщеславия, а дабы показать ошибки и заблуждения, спорить мирно, дружески и откровенно, опровергать заблуждающихся кратко и отчетливо, равно как и опровергать заблуждения, вредные для человеческого рода.

Уже ближайшие ученики и последователи Томазия не во всем продолжили его понимание учения разума. Наиболее показательный пример представляют, вероятно, трактаты Н. И. Гундлинга. Свои логические сочинения, «Путь к истине» [Gundling 1713] и «Логика или искусство рассуждения» [Gundling 1726], он публикует на латыни, и при этом в центре у него находится понятие не «разума», как это было у Томазия, а «интеллекта», или «рассудка». И хотя Гундлинг подчеркивает, что речь идет о человеческом интеллекте (§ 1) [Gundling 1726, 1], явных утверждений, что логика как учение разума свойственна только лишь человеку, ибо разум есть отличительная особенность именно человека, у него не обнаружить. Сходная ситуация наблюдается и в двухтомном сочинении М. Мусига «Свет мудрости», которое представляет собой популяризацию философии Томазия. В третьей главе «Об учении разума» [Musig 1726] акцент целиком сделан только на рассудке, а не разуме, и отсутствуют ремарки об исключительно человеческом характере учения разума.

Итак, Томазий, на десятилетия придавший собственное звучание так называемому «учению разума», понимал логику как науку, свойственную только лишь человеку, хотя и на основе данных Богом задатков и способностей. Считая рассудок естественным светом, он исходит из того, что, в принципе, в логике как науке могло бы не быть потребности, если бы каждый был в состоянии использовать заложенный в него потенциал. Необходимость в таком обращении к собственному потенциалу возникает лишь как следствие человеческого грехопадения, без которого потребность в логике бы отсутствовала. Грехопадение же наряду с предрассудками объясняет и наличие логических ошибок. В традиции П. Рапе Томазий антропологизирует логику, ставя перед ней задачи возвращения к исходному здоровому состоянию рассудка. Логика оказывается универсальным учением, единым для всех без различия пола, возраста и профессии, и выступает в качестве некоторой пропедевтики к иным наукам, хотя Томазий в силу собственных занятий и выделяет в данном случае юриспруденцию. Для широкого распространения и охвата новых слоев людей — прежде всего, так называемых «придворных мужей» — логика должна избавиться от средневекового педантизма, обрести галантность, быть направленной на открытие новых истин и стать практической, жизненной наукой, изгнав из себя зубрежку и силлогистику. Однако его вариант логики был лишь одним из нескольких в немецком Просвещении, хотя и весьма влиятельным.

Примечания

¹ Об истоках данного термина, уходящих еще в послания апостола Павла, и его значении см.: [Schneiders 1983, 2–18]. См. также: [Heumann 1715, 314–321].

² См. также о различных названиях для логики [Lehmann 1723, 36–37; Corvinus 1750, 23; Reimarus 1756, 16; Nicolai 1756, 7] — в последнем источнике добавляются из ранее еще не упомянутых *scientia scientiarum, instrumentum instrumentorum, methodus philosophandi analytica, artificialis*.

³ В свою очередь, Томазий подверг серьезной критике такого рода названия, подчеркнув, что не будет использовать даже для привлечения читателей к своим трактатам такие варианты названий, как «Искусство обо всех искусствах», «Ядро всей мудрости», «Основание всех наук», «Жемчужина учености», «Истинный камень мудрецов», а останется верным вызывающим презрение «логике» или «учению разума» [Thomasius 1691^a, Widmung (unpaginiert)].

⁴ См. их прекрасный анализ в [Schneiders 1990, 49–110].

⁵ Сам Вальх считает учение разума практическим учением, из которого исключает так называемую естественную логику в силу отсутствия в ней четко сформулированных и имеющих силу правил, и выделяет три важных стороны своего учения разума: инструмент, посредством которого познают истину вообще (рассудок); предмет, который следует познавать (истина); и вид и способ познания. Конечной целью учения разума он признает практическую пользу [Walch 1726, 2670–2672].

⁶ Об общей просветительской направленности философских взглядов Томазия см. на русском языке [Крыштоп 2017].

⁷ Мартини развивал идею Дж. Дзабареллы о логике как инструменте, который является не частью философии, а, в строгом следовании Аристотелю, «органом», то есть «инструментом». См. об этом вторую и третью теорему диспута о природе логики [Martini 1607]; а также [Martini 1616, 13–16].

⁸ См. также краткое описание § 86 третьей главы, в котором разум предстает как одно из действий рассудка: [Thomasius 1691^b, 95]. Эта проблема оказывается по-прежнему актуальной

еще в середине XVIII в. И. Хр. Готшед посвятил ей обширную сноску в собственном издании «Теодицеи» Лейбница [Leibniz 1744, 51–53].

⁹ См. [Быт. 3:18].

¹⁰ О различении и объяснении теоретической и практической части логики см. [Thomasius 1691⁶, 93].

¹¹ Томазий цитирует в «Придворной философии» как раз третью главу Бытия.

Источники – Primary Sources

Аристотель 1976 – *Аристотель. Метафизика / Аристотель. Сочинения* в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 65–367 (Aristoteles, *Metaphysics*, Russian Translation).

Витгенштейн 1994 – *Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 1–73* (Wittgenstein, Ludwig, *Logisch-philosophische Abhandlung*, Russian Translation).

Вольф 1765 – *Вольф Хр. Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды, любителям оной изданы. СПб.: Типография артиллерийского и Инженерного Шляхетного Кадетского Корпуса, 1765* (Wolff, Christian, *Vernunftige Gedancken von den Kräfte des menschlichen Verstandes...*, Russian Translation 1765).

Гегель 1974 – *Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1974. С. 53–424* (Hegel, Georg Wilhelm Friedrich, *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse*, Russian Translation).

Гуссерль 1994 – *Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1 / Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство Сагуна, 1994. С. 175–353* (Husserl, Edmund, *Logische Untersuchungen*, Bd. 1, Russian Translation).

Chemlinus, Kaspar (1654) *Der grose Sophist, das ist: Freuden-Spiel in welchem die Vernunft-Lehre oder Logica sehr kunst-artig vorgetragen, und unter ihren Personen der heutige Welt-Lauff und politische Hoff-art eigentlich abgebildet wird: auff einem öffentlichen Schau-platz vorgestellet von der studierenden Jugend, der Lateinischen Schul dess H. Röm. Reichs Statt Esslingen*, Stuttgart.

Corvinus, Christian Johann Anton (1750) *Institutiones philosophiae rationalis methodo scientifica*, Melchior, Jena.

Eschenbach, Johann Christian (1756) *Logic oder Denkwissenschaft*, Anton Ferdinand Röse, Rostock.

Grosser, Samuel (1710) *Pharus Intellectus sive Logica Electiva, Methodo neo-veterum Praeceptis & sanae rationis usui sano congrua ad captum Iuventutis Scholasticae digesta*, Wilisch, Leipzig.

Gundling, Nicolaus Hieronymos (1713) *Via Ad Veritatem*, Renger, Magdeburg.

Gundling, Nicolaus Hieronymos (1726) *Logica Sev Ars Ratiocinandi Genivinis Fvndamentis Svservstrvcta Et A Praesymtis Opinionibvs Vacva*, In Officina Rengeriana, Halle.

Heumann, Christoph August (1715) ‘Von dem Nahmen der Welt-Weisheit’, *Acta philosophorum, das ist gründl. Nachrichten aus der historia philosophica: nebst beygefügtten Urtheilen von denen dahin gehörigen alten und neuen Büchern*, Renger, Halle, 1715, 2. Stück, pp. 314–321.

Krug, Wilhelm Traugott (1806) *Denklehre oder Logik*, Goebbels and Unser, Königsberg.

Anonym (1621) *Kurtzer Begriff Der Verstandt-Lehr, Zu der Lehrart*, Im Fürstenthumb Anhalt, Köthen.

Anonym (1613) *Kurtzer Bericht Von der Didactica oder LehrKunst Wolfgangi Raticii, Darinnen er Anleitung gibt/ wie die Sprachen/ Künste und Wissenschaften leichter/ geschwinder/ richtiger/ gewisser und vollkömmlicher/ als bißhero geschehen/ fort zupflantzen seynd / Gestellet und ans Liecht gegeben Durch Christoph Helwig, Joachim Jungius, Kempffer*, Frankfurt.

Lange, Joachim (1718) *Medicina mentis, Qua, praemissa Historia mentis medica, seu philosophica, detectaque ac rejecta philomoria, Genuina philosophandi ac litterarum studia tractandi Methodus, tanquam recta ad eruditionem ac sapientiam via ostenditur*, Orphanotropheum, Halle.

Lehmann, Johann Jakob (1723) *Neueste und nützlichste Art Die Vernunft-Lehre, Folglich die Verbesserung des Verstandes, gründlich zu erlernen und leicht auszuüben. In welcher die Lehren durchgehends practisch eingerichtet, Sonderlich aber die rechten Schlüssel derer durch eigne Meditation zu erkennenden Wahrheiten aufrichtig gezeiget, und die Regeln der Behutsamkeit im Dencken hinlänglich vorgeschrieben werden*, Verfasser, Kaltenbrunner, Jena.

Leibniz, Gottfried Wilhelm (1744) *Theodicee, das ist, versuch von der Güte Gottes, Freyheit des Menschen, und vom Ursprunge des Bösen*, hrsg. von Johann Christoph Gottsched, In Verlag sel. Nicol. Försters und Sohns Erben, Hannover.

Leibniz, Gottfried Wilhelm (1890) ‘Brief an G. Wagner. 1696’, Leibniz, Gottfried Wilhelm, *Die philosophischen Schriften*, hrsg. von Carl Immanuel Gerhardt, Bd. 7, Weidmann, Berlin, pp. 514–527.

Martini, Jakob, Ölschlegel, Nicolaus (1607) *Dispyatio De Natvra Logicae*, Schmidt, Wittenberg.

Martini, Jakob (1616) *Logicae Peripateticae Per Dichotomias In Gratiam Ramistarum Resolutae Libri Duo*, Schurerus, Wittenberg.

Meier, Georg Friedrich (1752^a) *Auszug aus der Vernunftlehre*. Gebauer, Halle.

Meier, Georg Friedrich (1766) *Beyträge zu der Lehre von den Vorurtheilen des menschlichen Geschlechts*, Hemmerde, Halle.

Morhof, Daniel Georg (1688) *Polyhistor sive de notitia auctorum et rerum commentarii*, Böckmann, Lübeck.

Musig, Martin (1726) *Licht Der Weisheit, In denen Nöthigsten Stücken der wahren Gelehrsamkeit, Zur Erkännniß Menschlicher und Göttlicher Dinge, Nach Anleitung der Philosoph- und Theologischen Grundsätzen Herrn Johann Franz Budde*, Bd. 1, Frankfurt.

Nicolai, Gottlob Samuel (1756) *Anmerkungen und Zusätze zur Deutschen Logik des seligen Herrn Canzler B. von Wolff*, Kleyb, Frankfurt.

Reimarus, Hermann Samuel (1756) *Vernunftlehre als eine Anweisung zum richtigen Gebrauche der Vernunft in der Erkenntniß der Wahrheit, aus zweoen ganz natürlichen Regeln der Einstimmung und des Widerspruchs hergeleitet*, Bohn, Hamburg.

Rüdiger, Andreas (1722) *De Sensu Veri Et Falsi, Libri IV*, Coerner, Leipzig.

Thomasius, Christian (1688^a) *Introductio Ad Philosophiam Aulicam, Seu Lineae Primae Libri De Prudentia Cogitandi Et Ratiocinandi Ubi ostenditur media inter praeiudicia Cartesianorum, & ineptias Peripateticorum, veritatem inveniendi via*, Autor, Leipzig.

Thomasius, Christian (1688^b) *Lustiger und Ernsthafter Monats-Gespröche Anderer Theil/ in sich begreiffend Die sechs letzten Monate des 1688. Jahres*, Salfeld, Halle.

Thomasius, Christian (1691^a) *Ausübung der Vernunft-Lehre oder: kurtze, deutliche und wohlgegründete Handgriffe, wie man seinem Kopffe aufräumen und sich zu Erforschung der Wahrheit geschickt machen: die erkandte Wahrheit andern beybringen; andere verstehen und auslegen; von anderer ihren Meinungen urtheilen, und die Irrthümer geschicklich widerlegen solle; worinnen allenthalben viel allgemeine heut zu Tage im Schwang gehende Irrthümer angezeigt und deutlich beantwortet werden; nebst einer Vorrede, in welcher der Autor die Ursachen anzeigt; warum er auch auff des Realis de Vienna seine Discursus und Dubia über die Introductionem ad Philolophiam Aulicam nicht beantworten werde*, Salfeld, Halle.

Thomasius, Christian (1691^b) *Einleitung zu der Vernunft-Lehre, Worinnen durch eine leichte, und allen vernünftigen Menschen, waserley Standes oder Geschlechts sie seyn, verständliche Manier der Weg gezeigt wird, ohne die Sylogisticā das wahre, wahrscheinliche und falsche voneinander zu entscheiden, und neue Wahrheiten zu erfinden*, Salfeld, Halle.

Thomasius, Christian (1702) *Introductio Ad Philosophiam Aulicam, Seu Lineae Primae Libri De Prudentia Cogitandi Et Ratiocinandi Ubi ostenditur media inter praeiudicia Cartesianorum, & ineptias Peripateticorum, veritatem inveniendi via*, Renger, Halle.

Thomasius, Christian (1712) *Einleitung Zur Hoff-Philosophie, Oder, Kurtzer Entwurff und die ersten Linien Von Der Klugheit zu Bedencken und vernünftiig zu schliessen: Worbey die Mittel-Strasse, wie man unter den Vorurtheilen der Cartesianer, und ungereimten Grillen der Peripatetischen Männer, die Warheit erfinden soll, gezeigt wird. Statt eines Anhangs ist noch hinzu gekommen Herrn Ulrich Hubers, Eines berühmten Niederländischen Rechtsgelehrten, gehaltene Rede Von dem Laster der Pedanterey. Aus dem Lateinischen ins Teutsche übersetzt von P. D., Rüdiger, Berlin.*

Thomasius, Christian (1713) *Hochstnūthige Cautelen Welche ein Studiosus Juris, Der sich zur Erlernung Der Rechts-Gelahrheit Auff eine kluge und geschickte Weise vorbereiten will / zu beobachten hat*, Renger, Halle.

Thomasius, Christian (1719^a) *Ausübung der Vernunft-Lehre oder: kurtze, deutliche und wohlgegründete Handgriffe, wie man seinem Kopffe aufräumen und sich zu Erforschung der Wahrheit geschickt machen: die erkandte Wahrheit andern beybringen; andere verstehen und auslegen; von anderer ihren Meinungen urtheilen, und die Irrthümer geschicklich widerlegen solle; worinnen allenthalben viel allgemeine heut zu Tage im Schwang gehende Irrthümer angezeigt und deutlich beantwortet werden; nebst einer Vorrede, in welcher der Autor die Ursachen anzeigt; warum er auch auff des Realis de Vienna seine Discursus und Dubia über die Introductionem ad Philolophiam Aulicam nicht beantworten werde*, Salfeld, Halle.

Thomasius, Christian (1719^b) *Einleitung zu der Vernunft-Lehre, Worinnen durch eine leichte, und allen vernünftigen Menschen, waserley Standes oder Geschlechts sie seyn, verständliche Manier der Weg gezeigt wird, ohne die Sylogisticā das wahre, wahrscheinliche und falsche voneinander zu entscheiden, und neue Wahrheiten zu erfinden*, Salfeld, Halle.

Titius, Gottlieb Gerhard (1702) *Ars Cogitandi, Sive Scientia Cogitationum Cogitantium, Cogitationibus Necessariis Instructa Et A Peregrinis Liberata, um Summariis Caputum & rerum Indice*, Lanckisius, Leipzig.

Wagner, Gabriel (1691) *Discursus & dubia in Christ. Thomasio Introductionem ad philosophiam aulicam*, Auctor, Ratisbona.

Walch, Johann Georg (1726) *Philosophisches Lexicon, darinnen die in allen Theilen der Philosophie, als Logik, Metaphysic, Physic, Pneumatic, Ethic, natürlichen Theologie und Rechtsgelehrsamkeit, wie auch Politic fürkommenden Materien und Kunst-Wörter erkläret, und aus der Historie erläutert; die Streitigkeiten der älteren und neueren Philosophen erzehlet, die dahin gehörigen Bücher und Schriften angeführet, und alles nach alphabetischer Ordnung vorgestellt worden mit nöthigen Registern versehen*, Gleditsch, Leipzig.

Wohlmeinendes Gutachten (1701) *‘Wohlmeinendes Gutachten Über Herrn Thomas Bisherige Art zu schreiben/ Nach dem unlängst heraus gekommenen Vorschlag/ Wie Er einen jungen Menschen binnen drey Jahren in der Philosophie und singulis Jurisprudentiae partibus zu informiren gesonnen sey’*, Thomasius, Christian, *Allerhand bißher publicirte Kleine Teutsche Schrifften/ Mit Fleiß colligiret und zusammen getragen; Nebst etlichen Beylagen und einer Vorrede*, Salfeld, Halle, pp. 271–320.

Wolff, Christian (1713) *Vernünfftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntnis der Wahrheit*. Renger, Halle.

Wolff, Christian (1719) *Vernünfftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntnis der Wahrheit*, Renger, Halle.

Wolff, Christian (1722) *Vernünfftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntnis der Wahrheit*, Renger, Halle.

Zedler, Johann Heinrich (1738) 'Logicke, Vernunft-Lehre, Vernunft-Kunst', Zedler, Johann Heinrich (ed.) *Grosses vollständiges Universal-Lexicon Aller Wissenschaften und Künste*, Bd. 18, Johann Heinrich Zedler, Halle, pp. 260–272.

Ссылки – References in Russian

Крыштоп 2017 – *Крыштоп Л. Э.* Христиан Томазий о религии и морали: начало Просвещения в Германии // *История философии*. 2017. Т. 22. № 2. С. 29–43.

Хинске 2007 – *Хинске Н.* Между Просвещением и критикой разума: этюды о корпусе логических работ Канта; Без примечаний: афоризмы. М.: Культурная революция, 2007.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 9. P. 151–174

“Vernunftlehre” and “Logic” in German Philosophy of the 18th Century and Logic Issues in the Age of Enlightenment* Part I

Alexei N. Krouglov

There were dozens of terms for logic in the 18th century, and the terms *Vernunftlehre* and *Logik* stood out from others. At the beginning, the reading differences were tied to the conversion of philosophical language from Latin to German. But later, in the Age of German Enlightenment, they resulted in substantial diversity of logic issues treatments that was mostly manifested in Chr. Thomasius's *Vernunftlehre* and Chr. Wolff's *German Logic*. Thomasius looks at reason studies from anthropological point of view as he stresses its connection with a human being as he is the only being with reason. He explains the demand for logic with the Fall and the following required return to the healthy state of reason. Thomasius rejects the scholastic mnemonics and syllogistics and concentrates on practical logic of everyday life. Wolff builds his logic on the mathematical background. He accepts the threefold structure “concept–judgment–reasoning” in the theoretical part of his logic, as well as he supports the universal application of syllogistics including its application in the art of discovery. Despite of the various views on syllogistics, Wolff and Thomasius emphasize the instant need of logic not only in cases of truth justification but also in cases of new knowledge discovery. Both Wolff and Thomasius consciously reject the discussion whether logic is a study, a science, an art or an instrument. Instead of that, they prefer to develop practical logic, and the highest achievement of this development appears in Wolff's *Latin Logic*.

KEY WORDS: Chr. Thomasius, Chr. Wolff, Vernunftlehre, theoretical logic, practical logic, ars inveniendi, syllogistic, German Enlightenment

KROUGLOV Alexei N. – DSc in philosophy, professor, Department of History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities

akrouglov@mail.ru

* The paper is granted by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00889a, “Kant's Lectures on Logic in Light of Contemporary Argumentation Theory and Critical Thinking Tradition”.

Received on March 12, 2018.

Citation: Krouglov, Alexei N. “Vernunftlehre and Logic in German Philosophy of the 18th Century and Logic Issues in the Age of Enlightenment”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2018), pp. 161–174.

DOI: 10.31857/S004287440001528-5

References

Arndt, Hans-Werner (1978) ‘Einführung’, Wolff, Christian, *Gesammelte Werke*, hrsg. von Jean École u.a., Abt. I, Bd. 1, Olms, Hildesheim, pp. 7–102.

Britzelmayr, Wilhelm (1947) ‘Über die älteste formale Logik in deutscher Sprache’, *Zeitschrift für philosophische Forschung*, Bd. 2, pp. 46–68.

Dernburg, Heinrich (1865) *Thomasius und die Stiftung der Universität Halle: Rede gehalten beim Antritt des Rectorats der Universität Halle-Wittenberg am 12. Juni 1865*, Waisenhaus, Halle.

Kryshtop, Ludmila E. (2017) ‘Christian Thomasius on Religion and Morality: The Beginning of the Enlightenment in Germany’, *History of Philosophy*, Vol. 22, No. 2, pp. 29-43 (in Russian).

Schneiders, Werner (1983) “Zwischen Welt und Weisheit. Zur Verweltlichung der Philosophie in der frühen Moderne”, *Studia Leibnitiana*, Bd. 15, pp. 2–18.

Schneiders, Werner (1990) *Hoffnung auf Vernunft. Aufklärungsphilosophie in Deutschland*, Meiner, Hamburg.

Schneiders, Werner (1998) ‘Vorwort’, Thomasius, Christian, *Ausgewählte Werke*, Bd. 8, Olms, Hildesheim, pp. V–XIV.

Wundt, Max (1945) *Die deutsche Schulphilosophie im Zeitalter der Aufklärung*, Mohr, Tübingen.